

С. М. Городецкий

ГОРОДЕЦКИЙ Сергей Митрофанович (псевдоним Петербуржец) [5(18).1.1884, Петербург — 8.6.1967, Обнинск] — поэт, прозаик, критик.

Семья была «расколота антагонизмом» («Автобиография»): мать, «отрезав косы», увлекалась идеями шестидесятников, отец (чиновник, автор десятка книг и более 100 статей по истории, этнографии, археологии) дружил с Н. С. Лесковым, переписывался с С. Соловьевым. Он умер, оставив пятерых детей, когда Г. было 9 лет. Г. с 6-го класса пришлось подрабатывать уроками. Учился в Петербургской и Орловской (5-й и 6-й классы) гимназиях, уже тогда ощутил влечение к лит-ре: «Стихи бормотал с детства, записывать стал после смерти отца» («Автобиография»). Поступил на историко-филол. ф-т Петербургского ун-та, но не окончил; с 1902 по 1912 слушал лекции по биологии, физике, юриспруденции, занимался русской лит-рой, античностью, славяноведением, философией, историей искусства. Подобное многообразие интересов на грани с разброшенностью будет присуще Г. всю жизнь: «Погнался за тремя зайцами: наукой, живописью и поэзией...» («Автобиография»). К этому добавятся «три зайца» и в самой лит-ре — символизм, акмеизм, крестьянская поэзия.

В ун-те Г. сближается с А. Блоком (1903), который очень высоко оценил его ранние стихи, дебютирует в кругу символистов (1906), но выделяется среди них своеобразным поис-

ком народности. Еще в 1904, приехав на лето давать уроки в усадьбе на Псковщине, он увлекся фольклором: «жадно впитывал язык... синтаксис, мелодии народных песен и т.д.» («Автобиография»). Этот интерес к реальному народному слову определил содержание и поэтику первой и наиболее известной книги стихов Г. — «Ярь» (титulyный лист — СПб., 1907, тираж — дек. 1906). Воспринимаемые в русле всеобщего интереса начала века к русской старине (Н. Рерих, В. Васнецов, М. Нестеров, И. Билибин и др. — в изобразительном искусстве, И. Стравинский, А. Гречанинов и др. — в музыке), декоративно-яркие стилизации Г. под древнерусское язычество отнюдь не всегда соотносились с подлинной правдой народных преданий (И. Бунин прямо писал о «выдуманности» славянского пантеона Г. // ЛН. Т. 84. Кн. 1. С. 341). Но «Ярь» привлекала задором молодости, созвучным эпохе роста национального самосознания, и неподдельным патриотизмом, который (не всегда проявляясь с должным вкусом) будет присущ Г. на всех этапах его творчества.

Кроме того, книга Г. содержала и иную, также соотносимую с эпохой проблематику — перекликающиеся с некрасовскими трагические картины народной жизни в городе и деревне (раздел «Темь»). Сб. принес большой успех (высокие оценки А. Блока и В. Брюсова, В. Иванова и М. Волошина, К. Чуковского и др., интерес к Г. художников и музыкантов и т. д.). Очень быстро возникает популярность, складывается имидж этакого «добра молодца» от лит-ры (позднее Н. Гумилев уточнит — «кудрявого певца из русских песен»), близкого героям самой «Яри»... Но одних только стилизаций, пусть даже очень искусных, для поддержания длительного и прочного успеха оказалось недостаточно. Вышедшие в 1907 сб. «Перун» и «Дикая воля» уже воспринимаются как вторичные и вдобавок сделанные наспех — в первую очередь это замечают сами символисты, столь чуткие к поэтическому слову. Процесс расхождения с прежними друзьями особенно усиливается после появления сб. «Русь» (1909) и «Ива» (1912). Отзывы приобретают убийственный характер — фальшь, самохвальство, псевдонароднические выкрики и т. д. Г. отвечает не менее чувствительными ударами — в статье «Поэт и национальность» (Утро. 1908. 17 нояб.) упрекает символистов в том, что их «излишняя изысканность» привела к оторванности от своего народа, к отсутствию национального начала в поэзии. В 1912–13 Г. посетил Италию. Результатом стал цикл стихов, в кото-

рых не было ничего, кроме итальянских декораций и «русской тоски по Родине» («Автобиография»).

Стремление преодолеть мистический анархизм и чрезмерную метафорическую усложненность поэзии приводит Г. к акмеизму, который становится для него возвращением «к земле», к почве. Уже имеющийся опыт в организации лит. группы («Кружок молодых», 1906) позволяет Г. выступить вместе с Н. Гумилевым в качестве одного из создателей «Цеха поэтов» (организации с этим же названием будут созданы им еще дважды: на Кавказе — 1918 и в Москве — 1920-е). Он публикует программную статью **«Некоторые течения в современной русской поэзии»** (1913) и сб. восьмистиший **«Цветущий посох»** (1914), очень высоко оцененный Н. Гумилевым, а также подготовленный им альм. русских и «инославянских» писателей — «Велес».

Очень скоро Г. начинает оценивать и акмеизм как «привесок к символизму», столь же далекий «от живой жизни, от народа» («Автобиография»). Этот упрек в еще большей степени относился к самому Г.: в событиях начавшейся вскоре Первой мировой войны он увидел воплощение своих чаяний о единении интеллигенции и народа и даже начало новой эры в истории России, которой будет суждено возглавить весь славянский мир (своеобразная параллель с публицистикой раннего Ф. Тютчева). Ура-патриотические настроения, отразившиеся в сб. **«Четырнадцатый год»** (1915), привели Г. к «ссоре с передовой русской литературой» (**«Жизнь неукротимая»**, С. 139), а действительность вскоре заставила его горько раскаться в неумении воспринять войну как огромную народную трагедию. Надрывная экзальтация окрашивает в это время и страстное увлечение Г. юным С. Есениным, которого он именует «весенним братиком», и создание в 1915 вскоре распавшихся кружка народных писателей «Краса» и общества содействия народной лит-ре «Страда». Они должны были объединить писателей из народа — Н. Клюева, С. Клычкова, А. Ширяевца и др. Их творчество теперь Г. решительно противопоставляет своим бывшим соратникам не только по символизму, но и по акмеизму.

Оказавшись в изоляции, в тяжелом настроении Г. добровольно уезжает на Кавказский фронт (осень 1916), где начинается его дружба и сотрудничество с большевиками (М. Кедрин, Б. Этингоф и др.) и поистине самоотверженное (хотя и не всегда результативное) служение новому миру. Случайная

связь Г. с революцией, проявившаяся в свое время в вывозе из Финляндии запрещенного в России альм., завершилась в 1907 10-дневным заключением в «Крестах» и не получившим признания циклом **«Тюремных песен»** (вошли в сб. «Дикая воля»). Отныне эта связь становится неразрывной. Вечно метавшийся, «расколотый» замыслами и увлечениями самыми различными, Г. нашел себя.

Кавказский период его деятельности (1916–21) очень плодотворен. Чудом не погибший в окружении, он был отвергнут редакцией «Русского слова» за сатирическое разоблачение имперской военщины в очерке **«Три генерала»**. Познав на кровавых дорогах войны всю глубину трагедии «настоящего, не литературного народа», он воплотил ее в книге стихов **«Ангел Армении»** (1918). В далеких от революционной России Тифлисе и Баку Г. редактирует ж. «Аре» («Искусство») и «Нарт», вызывая преследования местных властей за сатирические выпады в их адрес, ведет большую работу с молодыми поэтами (Т. Табидзе, П. Яшвили и др.), читает лекции по эстетике в Тифлисской консерватории, устраивает худож. выставки, печатает ряд статей, пропагандирующих русскую классику. Нужда заставляет его не брезговать и лит. поденщиной. В Баку он выступает в кабачках, за гроши сочиняет по пьеске в неделю, инсценирует Андерсена и восточные сказки. А кроме того, Г. пишет стихи с острой социальной проблематикой — о трагедии рабского труда на нефтяных промыслах (цикл **«Алая нефть»**), о колониальном гнете (стих. **«Кофе»** — было переведено на ряд иностр. яз. и стало широко известно в Европе), о России.

Особенно активизируется деятельность Г. после установления на Кавказе советской власти. Он становится одним из руководителей Закавказского отделения РОСТА, сам рисует плакаты и пишет тексты к ним, организует театр Сатир-агит, сочиняет для него частушки и обозрения, выступает как лектор, возглавляет лит. часть Политуправления Каспийского флота. В этой же должности его переводят на Балтику, но вскоре Г. получает разрешение съездить за семьей на Кавказ (осень 1920), а затем вернуться к лит. работе в Москве (весна 1921).

В Москве 1920-х Г. тоже становится одной из заметных фигур культурной жизни. Новый «Цех поэтов» объединяет его с П. Антокольским, И. Сельвинским, В. Инбер и др. До 1924 он работает в газ. «Известия», редактирует ж. «Искусство — трудящимся», одновременно заведует лит. частью Театра ре-

волюции, а затем Театра им. Моссовета, как всегда много внимания уделяет лит. молодежи (по преимуществу пролетарского и крестьянского происхождения), ведет огромную просветительную работу — выступает в театральных залах и рабочих клубах Москвы, Ленинграда, Киева, Курска, Ростова, Владикавказа и др.

Сложнее обстоит дело с творчеством. Многочисленные эксперименты с различными худож. системами в собственной поэтической работе Г. начинают оборачиваться стилизациями уже под более близкую современность, подражательностью, поэтической эклектикой. Это сказалось на попытках создания поэм: «**Шофер Владо**» (1918), по мнению критики, — эхо кавказских поэм Лермонтова, «**Красный Питер**» (1928) — «оглядка» одновременно на А. Блока и Д. Бедного. Не лучшим образом отразилась на поэтике Г. его безотказность в сочинении «агиток» — политическое сатирическое обозрение «Вертурнаф» (в соавт. с Н. Асеевым и С. Третьяковым), издаваемые массовым тиражом книжечки стихов «**Из тьмы к свету**», «**Завоевано и записано**», «**Пан Жупан**», «**Старуха на духу**», «**Знай боярскую Румынию**» и т. д. Стихия политического фельетона (которую обнаружил у Г. еще в предоктябрьские годы В. Брюсов) буквально захлестнула поэтические сб. Г. 1920-х — «**Серп**» (1921) и «**Миролом**» (1923), о которых даже сочувственно настроенные критики могли сказать только одно: «сплошной гимн Советской власти» (Советский Юг. 1921. 29 окт.), но «поэтической ценности не представляют» (Лит. энциклопедия. М., 1930. Т. 2. С. 641). В лучшую сторону от них отличается проникнутый настроением «Никитинских субботников» и вышедший в их изд-ве сб. «**Грань**» (1928), где ряд стих. посвящен памяти друзей-поэтов. В цикле «**Стихи ушедшим**» возникают имена А. Блока, В. Брюсова, Н. Гумилева, С. Есенина, В. Хлебникова.

Отрицательное, в лучшем случае сдержанное отношение проявила критика и к прозе Г. — как к первой книге рассказов «**Кладбище страстей**» (1909), так и к последующим: «**Повести. Рассказы**» (1910), «**На земле**», «**Старые гнезда**» (обе — 1914), хотя повесть «**Сутуловское гнездо**» на тему разорения дворянства, возможно, заслуживала лучшей участи. Вызвали возмущение ряда критиков и читателей антиблоковские выпады в повести «**Адам**» (1916). О романе «**Сезон**» (1915) известно лишь то, что он существовал — в печати не появлялся, рукопись не обнаружена. В советские годы отношение

к прозе Г. было достаточно равнодушным. Это можно сказать о выдержавшем два издания романе «**Алый смерч**» (1918–27) — о событиях начала 1917, когда Г. вместе с небольшой группой русских войск, врачей и офицеров оказался в лагере для сыпнотифозных (тогда распространился слух о его героической гибели). Это же относится к повестям «**Памятник восстания**» (1928) — о жизни рабочих в Финляндии и «**Черная шаль**» (1929) — о драматической судьбе работницы стекольной фабрики в Венеции. Несколько иная судьба выпала на долю романа «**Сады Семирамиды**». Г. начал работать над ним в середине 1920-х. Он повествует о трагических событиях геноцида в Армении. С Арменией, как и с Грузией, у Г. были особые отношения — именно там он пережил огромную потрясенность трагедией народа на войне, сдружился с рядом писателей (особенно ярким впечатлением стала дружба с О. Туманяном). Имя Г. чтимо и в совр. Армении. Уже после смерти Г. именно там был опубликован и очень сочувственно встречен этот роман.

Еще печальнее оказалась участь драматических произведений Г. — небольшие пьесы и инсценировки кавказского периода затерялись; написанные в разное время трагедии «**Марит**» и «**Слепые дети**», комедия «**Темный вечер**» не опубликованы и не поставлены. Одним из замыслов Г.-драматурга было создание «двух комедий в стиле Грибоедова» («Автобиография»). Но хотя «**Длинный рубль**» обсуждался в СП, одобрен и окончательно отделан, сценическая жизнь произведения не состоялась.

После взлета творческой активности Г. в 1920-е вновь приходит, как отмечала критика, пауза усталого молчания. К середине 1930-х имя Г. для широкого круга читателей звучит почти анахронизмом. Но 1930-е раскрывают Г. в новом качестве. Он поставил задачу создать оригинальные либретто советской оперы на различные сюжеты — о древней истории («**Александр Невский**», муз. Г. Попова), о событиях революции и Гражданской войны («**Прорыв**», муз. С. Потоцкого; «**Дума про Опанаса**» — по поэме Э. Багрицкого, муз. В. Юровского; «**Десять дней, которые потрясли мир**» — по мотивам книги Джона Рида, муз. К. Корчмарева). На основе грузинского героического эпоса Г. создает либретто «**Амран**», получившее премию на конкурсе в Большом театре (муз. Я. Столлера), а также перерабатывает в либретто пушкинскую поэму «**Граф Нулин**» (муз. М. Ковалю). Наибольший успех приносит Г. новый

текст либретто к опере М. Глинки «Жизнь за царя» — «Иван Сусанин», заменивший прежний, содержащий неприемлемые для времени «верноподданнические» мотивы. Кроме того, Г. переводит на русский яз. (для постановок в Москве и Ленинграде) либретто опер «Фиделио» Бетховена, «Водонос» Керубини, «Нюрнбергские мейстерзингеры» и «Лоэнгрин» Вагнера.

На протяжении всей жизни Г. много работает как критик и литературовед. Высокопрофессиональным в научном отношении было подготовленное им еще в 1911 издание стих. И. Никитина и обстоятельная статья к нему. Он писал об И. Тургеневе и В. Короленко, А. Блоке и Ф. Сологубе, Вяч. Иванове и М. Горьком, С. Есенине, пролетарских и крестьянских поэтах и т. д. Его перу принадлежит огромное количество сделанных в разное время высококвалифицированных переводов: Мопассан и К. Гамсун, И. Якобсен и Э. Толлер, О. Туманян и А. Акопян, Т. Шевченко и И. Франко, П. Тычина и М. Рыльский, Я. Купала и Я. Колас, Хр. Ботев и Хр. Смирненский, А. Мицкевич и М. Конопницкая.

Последний взлет патриотической поэзии Г.— годы Великой Отечественной войны, когда уже 22 июня 1941 он написал и прочитал по радио стих. **«Выходит в бой страна моя родная»**. В эвакуации, сначала в Ташкенте, затем в Ашхабаде, где Г. выпускает сб. стих. **«Думы»**, в котором военная тематика соединена с размышлениями о событиях отечественной истории, переводит узбекских и таджикских поэтов, собирает и редактирует вместе с А. Адалис альм. «Лит. Таджикистан». В 1956 была опубликована поэма **«Три сына»** (интонированная под древний карело-финский эпос «Калевала», а отнюдь не под Лонгфелло, как отмечала критика). В ней раскрывалась трагедия финской семьи, обманутой гитлеровцами.

Еще в молодости, учительствуя на Псковщине, Г. заинтересовался детским фольклором, повлиявшим, по его признанию, на стилистику «Яри». На протяжении всей жизни Г. не забывает о детских стихах и книгах: в 1910-е это **«Федька-Чурбан»**, **«Царевна-сластена»**, **«Ау!»**, **«Мика-Летунок»**, **«Колыбельная»**; после революции: **«Хозяйка-лентяйка»** и **«Крылатый почталыон»** (1923), **«Веснушки Ванюшки»** и **«Лети, лето»** (1924) и др. Придает значение Г. и разделу «Взрослым о детях» (например, цикл **«В сердце ребенка»**, «детская» тема в «Ангеле Армении»). Г. выдвигает проблемы создания детской газ., сбора детских рисунков и вообще внимания к детскому

творчеству. Педагогическая струна в душе Г. всю жизнь определяла его внимание к творческой молодежи. На протяжении мн. лет он вел работу в Лит. ин-те им. М. Горького, до последних дней жизни работал над воспоминаниями «Мое детство».

Путь Г. был длительным, сложным и противоречивым. Интересные сами по себе замыслы не всегда давали адекватные худож. результаты. Даже если бы он не написал ни одного худож. произведения, его подвижническая просветительская деятельность заслужила бы самую благодарную память. Но и в его худож. наследии есть ряд стих. (о России, ее природе, культуре, тяжелой жизни ее народа в разные моменты истории), без которых поэзия XX в. была бы неполной.

Соч.: Избранные произведения: в 2 т. М., 1987; Мой путь. Автобиография // Советские писатели: Автобиографии. М., 1959. Т. 1; Сады Семирамиды // Лит. Армения. 1971. № 3, 4; Стихотворения и поэмы. Л., 1974; Русская стихотворная сатира 1908–1967. Л., 1974; Из неопубликованного и забытого // Огонек. 1977. № 24; Письма к А. Блоку // ЛН. М., 1981. Т. 92. Кн. 2; Жизнь неукротимая: Статьи. Очерки. Воспоминания. М., 1984.

Лит.: Блок А. Краски и слова // СС: в 8 т. М., Л., 1962. Т. 5; Гумилев Н. Письма о русской поэзии. Пг., 1923. С. 185–186; Погосян Р. Старейший мастер «Цеха поэтов» // Лит. Армения. 1964. № 3; Смирнов И. О. Сергее Городецком // Русская лит.-ра. 1967. № 4; Вдовин В. Есенин и лит. группа «Краса» // Филол. науки. 1968. № 5; Айвазян А. Быть судимым... по законам для немногих (В. Брюсов и С. Городецкий) // Брюсовские чтения 1973. Ереван. 1976; Никольская Т. Фантастический кабачок // Лит. Грузия. 1980. № 11; Доценко С. Н. Два подхода к фольклору: С. Городецкий, А. Ремизов // Ученые записки Тартуского ун-та. 1990. Вып. 883. С. 116–138.

К. Ф. Бикбулатова

ГОРЫШИН Глеб Александрович [15.3.1931, Ленинград — 10.4.1998, Петербург] — прозаик, публицист.

Детство Г. прошло «в лесах»: его отец — работник лесозаготовительной промышленности (в предвоенные годы — директор леспромпхоза, в войну и после нее — управляющий трестом «Ленлес»; исключен из партии и отстранен от работы по «ленинградскому делу»; позднее реабилитирован), мать — детский врач; оба — из крестьянских семей Новгородчины. В семье писатель прошел школу «исконно народного, с богатством присловий, новгородского языка», которым в совершенстве владела его бабушка, мать и тетуш-